

ДЕД

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Екатерина Вэ

18+

Екатерина Вэ Дед

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67438199

SelfPub; 2022

Аннотация

Одинокий и озлобленный дед живет в квартире, расположенной на первом этаже обычной хрущевки. Единственное развлечение старика – ежедневная ругань с незнакомым мужчиной, который не по своей воле выгуливает своего пса под окнами этой самой хрущевки. Все меняется в один день, когда появляется еще один герой, изменивший навсегда жизнь всех участников событий.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

1
2

4
12

Екатерина Вэ

Дед

1

Василий Федорович Мухин был дедом ворчливым и вредным. По этим качествам, если бы их можно было измерить, следовало бы внести его в книгу Рекордов. Целыми днями смотрел он из окна своей хрущевки, расположенной на первом этаже достаточно старого дома. Временами могло показаться, что старик живет на подоконнике и просто-напросто прилип к нему. Оставлял он свой "пост" только по нужде, ну, или на сон, который одолевал его иногда даже днем.

Василию Федоровичу было шестьдесят четыре года, хотя выглядел он на семьдесят с лишним. Все потому, что отрицал дед необходимость всякого движения вперед. Уже четыре года был старик пенсионером, что считал абсолютно заслуженным, и никак не мог отдохнуть сполна, постоянно думая, будто настанет день, и он непременно начнет его с утренней зарядки. А там уж и книжонку какую прочитает, и выйдет к подъезду, и поразит местных женщин своей великолепной физической формой и познаниями, полученными из только что прочитанной книги. Все будут думать: "Ох, Василий Федорович, чего ж ты так долго к нам не выходил?"

Чего ж ты не радовал нас своей мудростью и чувством юмора?"

С такими мыслями дед просыпался и засыпал каждый день, выстраивая целую вселенную в своей голове, проживая прекрасные мгновения выдуманной и несуществующей жизни.

Оба сына появлялись в хрущевке отца крайне редко. Старались без лишней необходимости не тратить свои, что называется, нервы. Пожалуй, никто не хочет беспричинно выслушивать нотации о своей никчемности, неуклюжести, неискренности, неблагодарности и еще много всяких прочих «не» и «ни». По мнению Василия Федоровича, именно такими качествами обладали его сыновья.

"Надо же как не повезло родить таких оборванцев, совсем не умных и совсем не красивых!" Каждый раз говорил дед эту фразу после очередного визита своих отпрысков.

А сыновья, между прочим, были обычные сыновья. Старший – Михаил Васильевич – начальник юридического отдела фирмы средней руки, имел высшее образование, какое-то время даже жил и работал в столице, но был вынужден вернуться в родной город по делам сердечным. Младший – Владимир Васильевич – считал себя всю жизнь человеком творческим, был вольным фотографом. Так и навещали Михаил и Владимир отца своего по очереди, соблюдая сыновий долг, хотя и было им это крайне противно.

Утро у Василия Федоровича каждый раз начиналось оди-

наково: проснувшись, не вставая с дивана, тянул он руку к тумбочке, на которой стоял современный радиоприемник, подаренный сыновьями. Включал его и с первыми же услышанными нотами начинал с презрением причитать: "Ну, и что это за музыка? Ну, и что это за певцы и певички? Ни слова не разберешь, ни мелодии, ни приятных звуков! Тьфу!" Затем немедленно выключал приемник до полудня. В полдень начиналась радиопередача, в которой ведущий и его гость обсуждали разные темы. Особенно любил Василий Федорович темы политические, потому как, по его мнению, разбирался в них он крайне тонко и умно. Любил и поспорить с голосами из радиоприемника, и, конечно же, всегда побеждал в этих спорах. «Эх, мне бы в министры, вот я бы навел порядок в стране» – думал часто дед. – На пост президента я не претендую, так как могу пока еще дать объективную оценку своим способностям".

Так вот, выключив с утра радио, еще несколько минут соображал дед о грядущем дне: вот сейчас встанет, выглянет в окно, убедится, что туч на небе нет или же, что тучи на небе есть, и пойдет в санузел по делам утренним. Так и делал.

После похода в санузел доставал Василий Федорович из тумбочки своей прямоугольное зеркало с отколотым углом, старую глубокую чашку, на дне которой лежал обмылок, вафельное полотенце, помазок и бритву. Со всеми этими приспособлениями садился дед на табурет возле подоконника и важно выставлял вертикально свое зеркало. Наливал в глу-

бокую чашку с обмылком из пластмассовой лейки, предназначенной для полива цветов, немного воды и начинал судорожно вспенивать помазком содержимое. От усердия, сам того не замечая, дед высовывал на бок язык. Как только пена получалась густой и в достаточном количестве, начинался самый главный утренний ритуал: глядя в зеркало, Василий Федорович цеплял помазком пену, подносил ее к лицу и важно начинал размазывать по самым ушам все то, что напенил; затем брал бритву и с жутким скрежетом пытался выбрить свою старческую щетину. Результатом дед был всегда доволен. Собрав полотенцем остатки пены с лица, с интересом оглядывал он свое отражение в зеркале и заключал: "Ай да молодец! Ай да сноровка!"

Дальше наступало время изучения обстановки за окном. Отодвинув чашку, зеркало, бритву и помазок в сторону, дед закидывал ногу на ногу, подпирал рукой подбородок и принимался разглядывать улицу: вот проехал грузовичок слишком шумно; вот легковушка посигналила в самый неподходящий момент; вот надоедливые вороны каркают без дела; вот тучи сгустились и непременно начнется ливень; вот ливень не начался, но подул дурацкий ветер, поднимая пыль в воздух; и еще много всяких "вот", так сильно раздражавших Василия Федоровича. Но все это сущие пустяки по сравнению с главным утренним самым скверным для старика событием.

Василий Федорович ждал, когда мимо пройдет некий

мужчина лет сорока, каждый день выгуливавший свою собаку под окнами известной уже нам хрущевки. Настолько это событие стало важным и привычным для деда, что пропустить его было нельзя, хоть и вызывало оно бурю отвратительных эмоций.

Некий мужчина лет сорока – травматолог местной больницы Алексей Григорьевич Пилипчук. Алексей был роста достаточно высокого, в меру худощавый, на лицо практически неприметен, разве что в глаза бросался ярко-красный румянец, то и дело вспыхивающий на его щеках. Каждое утро Пилипчук выгуливал свою дворнягу. Как назло, пес постоянно тянул хозяина под окна Василия Федоровича. И ладно, если бы пес проходил мимо, но он с особым любопытством вынюхивал газон, давно поросший сорняком, чем вызывал сильнейшее раздражение деда и, как следствие, очередной утренний скандал.

Скандал случился и в этот раз. После утреннего ритуала Василий Федорович открыл настежь окно. Бодрый апрельский ветерок впорхнул в комнату деда.

"Хорошо, что нынче весна ранняя," – подумал пенсионер, прикрыв от удовольствия оба глаза и растянув губы в легкой улыбке. Но тотчас же опомнился, открыл глаза, убрал с лица улыбку и принял самый строгий вид. Усевшись в ожидании на свой табурет, принялся высматривать нарушителя старческого покоя. Вскоре раздался собачий лай и послышался знакомый голос:

– Ну, постой же! Ну, прекрати меня тянуть! Ко мне! Фу! Ко мне!

Алексей Пилипчук вышагивал смешной походкой, держа в руках поводок с пристегнутым псом. Однако картина была любопытная: дворняга, тянущая хозяина изо всех сил, вынюхивающая дорогу так, словно ищет трюфель; хозяин, идущий самым странным образом, так как казалось, что он идет назад, притом что ноги двигались вперед. Алексея понять было можно. Встретиться взглядом с дедом ему совсем не хотелось. В теплое время года старик непременно нес всю брань, какую только мог воспроизвести в открытое окно. Поздней осенью и зимой старик стучал в окно со всей дури, давая знать всей улице о своем недовольстве. А причина недовольства была проста: пес гадил самым наглым образом под окнами Василия Федоровича. И не мог Пилипчук ничего поделаться со своей дворнягой. Как ни пытался он утащить пса в другое место, пес не оставлял Алексею ни единого шанса не встретиться взглядом с дедом. Всем героям утренних событий было крайне неприятно происходящее, но это вошло в каждодневную привычку.

Пес поравнялся с окнами Василия Федоровича и уселся в причинной позе.

– Ах, ты, тварь беспородная! Я тебя пристрелю! Вот только найду отраву и сразу же тебя отравлю, пес плешивый! А ты куда смотришь, а? Куда смотришь? Завел собаку, а воспитать не можешь! – в страшном гневе, чуть ли не полно-

стью свесившись из окна, кричал во все горло дед бессвязную нелепицу.

– Послушайте, уважаемый, – с ноткой легкой интеллигентности, стараясь сделать вид, что ничего особенного не происходит, Пилипчук парировал деду, поднимая взгляд с асфальта на окна первого этажа, – почти год, как вы вот так вот постоянно угрожаете моему псу и оскорбляете меня. А я, смею заметить, с самого первого дня убираю за своей собакой, не причиняя вам совершенно никакого неудобства. Вот видите, у меня и пакет в руках. Все как всегда.

–Ишь, ты! Пакетик у него! Надень себе этот пакетик на голову, дурень! – никак не успокаивался дед, даже наоборот, входя в особый азарт.

– Ни на какую голову я не собираюсь надевать этот пакет. У него есть предназначение, по нему я его и использую. А вы успокойтесь, мы уже уходим.

Как только Пилипчук убрал за собакой, пес тут же потянул хозяина в сторону, откуда они пришли.

– Чтоб я вас тут больше не видел, олухи! Бесстыжие! Загрязняют мне все тут! Загадили все! У себя дома устраивайте беспредел!

Выкрикнув последние слова, дед выдыхал и успокаивался. Какое-то чувство удовлетворения наступало внутри, и делалось приятно всему телу.

Дальше у деда все шло по привычному расписанию: приготовив яичницу из двух яиц на сливочном масле, старик

завтракал на подоконнике; в полдень, слушая любимую радиопередачу на политические темы, дед сидел по-прежнему у окна, комментируя услышанное так, что с улицы могло показаться, будто он ведет беседу с кем-то в глубине комнаты; обедал вчерашним супом, все так же, глядя в окно; на время обеденного сна приходилось деду оставлять нагретое местечко.

Вечер у Василия Федоровича был скучным и одиноким. Но не то чтобы он тосковал, просто первая половина дня в эмоциональном плане была куда более яркой. Отбой трубил себе дед часов в девять вечера лишь для того, чтобы не проспять настолько полюбившиеся, но при этом раздражающие события.

2

Наступило утро, и все повторилось снова. После всех подоконно-табуретных процедур дед уселся поудобнее, не забыв при этом открыть окно. Раздался знакомый лай и слегка истеричный голос травматолога Пилипчука. Собака с хозяином вновь оказались под окнами хрущевки. Только дед набрал воздуха в легкие, чтобы выкрикнуть с вечера приготовленные фразы, как не смог произнести и звука.

Все дело в том, что мимо проходила молодая женщина, вся такая аккуратненькая и одетая по моде. Глядя на нее, казалось, что легкая кучерявая волна оторвалась от океана и вышла на сушу, неся свою чистоту и прозрачность. В голове у Василия Федоровича заиграла приятная музыка, не та, что нынче включают в эфирах радиостанций, а самая приятная, убаюкивающая, нимфическая. Совсем не захотелось деду позориться. Да-да, именно так показалось старику. Показалось, что он опозорится. Молодая девушка, проходя мимо Пилипчука, его собаки и деда, вытянувшего свою шею от изумления, окинула всех своим взглядом. Только резвой дворняге она сказала «Привет» и пошла с очаровательной улыбкой дальше, остановив на мгновение время, и лишив знакомых нам героев утреннего скандала.

Опомнившись, Василий Федорович сел на свой табурет и лишь спустя время заметил, что возмутителя спокойствия и

его дворняги уже нет.

Весь оставшийся день дед был наполнен юношеской бод-
ростью: напевал что-то из времен своей молодости; притан-
цовывая, готовил обед; пообедал впервые за долгое время за
кухонным столом и не отправился на послеобеденный сон.
Настолько улыбка девушки впечатлила Василия Федорови-
ча, что даже устроившись на своем диване в девять вече-
ра, он не мог уснуть. Все вспоминал эту прекрасную улыб-
ку, мысленно искал поводы для разговора, представлял себе
случайные утренние диалоги с молодой особой, выдумывал
интересные темы для обсуждения. Наверное, он даже при-
гласит ее в гости после пары приятных бесед, угостит чаем,
поразит своими знаниями. Эти мысли настолько были заво-
раживающими, что почти казались реальностью.

Ритуалы следующего утра прошли волнительно. Дед по-
стоянно ерзал на табурете, боялся не успеть привести себя
в порядок. Приятные мысли резко сменялись тревожными:
"Сейчас увижу ее... А вдруг она не пройдет сегодня? Как
же привлечь ее внимание? Нет, ты слишком стар... Но до-
статочно показать свою эрудицию... Девушка, сразу видно,
знает толк в настоящих мужчинах». Сотни мыслей в голове.
Дед не мог никак усмирить свое волнение и совершенно по-
забыл о Пилипчуке и его собаке.

В открытом окне послышался знакомый лай. На секун-
ду Василий Федорович разозлился, но тут же одернул се-
бя. Нельзя выставить себя в дурном свете перед прекрасной

незнакомкой.

Пес поравнялся с окном деда, и случилась странная немая сцена, которой до вчерашнего дня и не было никогда: Пилипчук, осторожно всматривающийся в окно хрущевки; дед, с особой ненавистью переводящий взгляд то на пса, то на хозяина; пес, не думающий, по всей видимости, ни о чем, но исполняющий свое "злое дело" прямо на газоне, заросшем сорняками.

Дед и в этот раз не сказал ни слова, так как не желал оконфузиться перед юной девой. Пилипчук, убравший за своей собакой, поспешил удалиться.

Мгновения казались вечностью. Проезжающие мимо машины в этот раз не вызывали никакого раздражения. Сколько их уже проехало: десятки, сотни, тысячи? Отчаяние волной прокатилось по всему телу Василия Федоровича. Никак не верилось ему, что незнакомка больше не пройдет мимо его окон. Он вспоминал вчерашнюю встречу взглядами, теша себя, возможно, напрасными надеждами.

Произошло чудо. Та самая девушка появилась вдалеке. Дед вглядывался. Не ошибается ли? Началась паника: «Что делать? Сесть? Встать? Ведь нужно привлечь ее внимание. Что сказать? Позвать? Это странно. Я не знаю ее имени. Успею выбежать на улицу? Нет, не успею». Мысли сыпались одна за другой.

Юная особа почти поравнялась с окном пенсионера.

–Кх, кх, – попытался закашлять дед.

– КХ, КХ, – совершил он попытку закашлять громче.

Девушка повернула голову, посмотрела на Василия Федоровича, мило улыбнулась, хлопая длинными ресницами и пошла дальше своей дорогой.

Василий Федорович снова обомлел от счастья. В этот раз он рассмотрел ее еще лучше и нисколько не сомневался, что именно ее он так долго ждал. Все эти годы были проведены не напрасно у окна, не зря насижены были часы, сутки, а то и месяцы. Казалось, что солнечные лучи, словно театральные прожектора, разом слились в один и озарили милую деву. Легкий ветерок, наверное, специально замедлил свой темп, чтобы так неторопливо трепать ее рыжеватые локоны. Все автомобили, как по щелчку исчезли, чтобы он, Василий Федорович, пенсионер, мог слышать ее слова, если вдруг она надумает хотя бы поздороваться с ним.

Все следующие дни были для деда невероятно счастливыми. Ругаться на Пилипчука у него не было никакой возможности, хотя превредный пес так и продолжал делать свое «злое дело» под окнами хрущевки. Когда появлялся Пилипчук со своей дворнягой, через некоторое время появлялась и прекрасная рыжеволосая незнакомка. Особенно злило деда, когда так получалось, что его избранница равнялась с окнами хрущевки одновременно с травматологом и скверной собакой. Девушка по-прежнему мило улыбалась, но так как ее улыбка предназначалась всем героям немой сцены, дед начинал ненавидеть своего давнего врага с еще большей силой.

Прошло несколько недель. Жизнь деда приобрела совершенно иной смысл. Его мечты стали настолько глубокими, что Василий Федорович словно проживал параллельную жизнь: нашел в себе силы познакомиться с рыжеволосой девушкой, она, конечно же, стала его избранницей, полюбила всем сердцем, стала скрашивать его вечера, злила дворовых пенсионерок своей молодостью, а он, дед, был счастлив.

Но то были мечты. В настоящей жизни Василий Федорович по-прежнему проводил свои утренние ритуалы, сидя у подоконника, по-прежнему ненавидел Пилипчука и его дворнягу, по-прежнему ждал незнакомку в надежде, что она снова посмотрит в его сторону и подарит милую улыбку, а еще лучше, если заговорит с ним.

Этим утром в открытое окно дед услышал знакомый лай. Пилипчук не пытался в этот раз усмирить свою дворнягу.

– Ах, ты, хулиган, – по-доброму, с любовью, на всю улицу говорил Пилипчук, – иди сюда, я тебя щекотать буду!

Вдруг пес взвизгнул от удовольствия. Игривый рык настрожил Василия Федоровича.

– Рекс, почему ты не слушаешь хозяина, а? – бархатный женский голосок раздался совсем близко.

Василий Федорович не мог понять, что происходит, пока не увидел все собственными глазами: прекрасная рыжеволосая незнакомка в одной руке держала поводок с собакой, другой же держалась за травматолога Пилипчука. Пес радостно прыгал вокруг хозяина и его спутницы.

От увиденного у деда потемнело в глазах. Жар подкатил к лицу и пронесся лавой от головы до пят.

Пес сел под окнами деда, но не для своего "злого дела", а просто словно ему скомандовали "сидеть!". Незнакомка поцеловала Пилипчука в самые губы, мило улыбнулась ему своей неотразимой улыбкой, которой раньше улыбалась деду, произнесла задорно "До вечера!" и удалилась. Пилипчук стоял необыкновенно счастливый, видно было, что мысли его где-то далеко, а раскрасневшиеся скулы придавали ему еще большего умиротворения.

– Сукин сын! – выкрикнул Василий Федорович. – Да я тебя сейчас!

Деду хотелось выразить весь свой гнев, но на этот раз не из-за того, что дворняга гадит под окнами. Ему хотелось убить и Пилипчука, и его проклятого пса. Причина ясна была только Василию Федоровичу. Он пытался воспроизвести все ругательства, которые только могли придти на ум, но вместо этого раздавались непонятные пыхтящие звуки: "Пх...Ццц...ччч...mmm..."

В этот раз Пилипчук не произнес ни слова. Он с мягкой улыбкой взглянул на пенсионера, не слыша ни единого ругательства в свой адрес, повернулся и зашагал в сторону дома вместе со своим верным другом.

Дед отпрянул от окна, сделал два шага назад, плюхнулся на старый диван и в одно мгновение отошел в мир иной.

Эпилог

Пилипчук и прекрасная незнакомка действительно несколько дней назад стали парой, у которой был пес по кличке Рекс. Неизвестно, познакомились бы они, если бы дворняга так напористо не тянула своего хозяина под окна Василия Федоровича. Самое удивительное, что Рекс больше ни разу не захотел прогуляться под окнами деда.